

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б21

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использована иллюстрация:

© yulianas / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бальмонт, Константин Дмитриевич.

Б21 Будем как солнце! / Константин Бальмонт. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Золотая коллекция поэзии).

ISBN 978-5-04-107464-7

Константин Бальмонт (1867 — 1942) — поэт «мимолетности», мгновения, ворвавшийся в русскую поэзию как метеор, один из виднейших представителей старшего поколения символистов и Серебряного века. «Солнечные» стихи, «моцартианское» начало поэзии К. Бальмонта настолько пришлись по душе современникам, что начинающие поэты того времени часто начинали с подражания поэту, как некогда сам Бальмонт начинал с подражания Некрасову. «Кому дорога русская поэзия, тому навсегда будет дорого певучее имя Бальмонта», — сказал о поэте Георгий Адамович. В книге собраны не только самые знаменитые, но и малоизвестные стихи поэта.

**УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5**

ISBN 978-5-04-107464-7 © Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

СТРУЯ

Наклонись над колодцем, — увидишь ты там:
Словно грязная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мглистая,
Как в суровых объятьях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

1885

Из книги
«ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ»

Элегии, стансы, сонеты

1894

Ohne das gefolge der trauer
ist mir das göttliche im
leben nie erschienen.

*Lenaу*¹

ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск
луны приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен
тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны,
шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно
почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи
внимать.

¹ Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали. *Ленау (нем.)*.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное
моление,

И тоска, и упоенье, — точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, — и деревьям
что-то мнится,

То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь,
их тайно гложет?

Отчего их рой не может петь отрадный гимн
небес?

Всё сильнее звучит их пенье, всё слышнее в нем
томление,

Неустанного стремленья неизменная печаль, —
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда
бога,

Точно мук у них так много, точно им чего-то
жаль.

А луна всё льет сиянье, и без муки, без страданья
Чуть трепещут очертанья вещей сказочных
стволов;

Все они так сладко дремлют, безучастно стонам
внемлют
И с спокойствием приемлют чары ясных,
светлых снов.

<1893>

ЛУННЫЙ СВЕТ

Сонет

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу — луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я — облачко, я — ветерка дыханье.

НИТЬ АРИАДНЫ

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою;
Хочу для грядущих столетий покорно
и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, —

Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется, чрез многие
тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой.

Есть много несказанных слов
И много созданий, не созданных ныне, —
Их столько же, сколько песчинок среди
бесконечных песков
В немой Аравийской пустыне.

БЕЗ УЛЫБКИ, БЕЗ СЛОВ

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,

Погрузились мы в море загадочных снов
В царстве бледной луны.

Как отрадно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть
И, забыв, что любовь невозможна для нас,
Как отрадно мечтать и любить —
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной луны.

РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжелой скорби
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак,
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

* * *

Я знаю, что значит — безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что значит — с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

ПРИЗРАК

Где б ни был я, везде, как тень, со мной —
Мой милый брат, отшедший в жизнь иную,
Тоскующий, как ангел неземной,
В своей душе таящий скорбь немую, —
Так явственно стоит он предо мной.

И я, как он, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смеюсь ли, — дух родной, —
Он никогда меня не покидает,
Со мной живет он жизнью одной.

Лишь иногда в тревожный час ночной
Невольно ум в тоске изнемогает,
И я его спрошу: «В стране иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль с тобой, о, брат мой милый?»

В его глазах тогда мелькает тень,
И слезы он блестящие роняет,
И как пред ночью тихо гаснет день,
Так от меня он тихо улетает.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Еще последний снег в долине мгливой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.

Как будто ожил даже мшистый пенё,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной,

Как мир хорош в своей красе нежданной —
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками
носится

Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо
нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает,
безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

* * *

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной луною, —
Удалилась царица небес;
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез.

И в предутреннем сумраке ясном
Мне слышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся природа казалась больною
И как будто молила меня,
И грустила, прощаясь с луною,
В ожидании знойного дня.

* * *

О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!

Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе — за взгляд очей

прекрасных,

За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый
гений!

К. Бальмонт. 1892 г.